

явившихся авторами летописных похвал и проложных памятей конца XI—XIII в. Здесь дана только скупая, но многозначительная формула «треблаженный и святой», имеющая, как было сказано, определенное церковно-политическое значение.

Из всех возможных княжеских поступков и добродетелей в смоленской Похвале обыгран только один акт, который описан, однако, подробно и выразительно: устройство церкви в Смоленске, учреждение тамошней епископии и ее обеспечение, и вся Похвала построена именно на выдвигании этого дела, как достаточного для его прославления и почитания. Все другие дела Ростислава, как возведение им новой городской оборонительной стены, строительство крепости Мстиславль на реке Вехре, защищавшей Смоленск с юга, сооружение огромного собора в Борисоглебском монастыре на Смядыни, ставшем со временем княжеской резиденцией,¹⁹ а также нескольких светских и церковных зданий в Кремле,²⁰ оказались с точки зрения автора Похвалы не идущими в сравнение с тем основным деянием, которому она посвящена.

6. Все содержание Похвалы Ростиславу говорит о том, что это памятник смоленского происхождения. Киевское великое княжение, о котором здесь только упоминается, хотя и очень многозначительно, подано как награда князю за его заслуги перед Смоленском. Есть основание говорить о принадлежности автора Похвалы к кругам, тесно связанным с той смоленской церковью Богородицы и епископской кафедрой, которые упоминаются в Похвале. На такую близость автора к кафедре указывает также формула мотивировки поступков князя в Похвале: «Божиим повелением, и святые богородици, и отца своего молитвою». Она чрезвычайно близка к начальным словам другого смоленского памятника, связанного с князем Ростиславом и епископом Мануилом, — уставной грамоты князя смоленской епископии 1136 г.: «Бог, и святая богородица, и отца моего молитва». Такая аналогия позволяет предположить в авторе клирика того же кафедрального собора, с которым была связана и уставная грамота Ростислава 1136 г.

7. Формула «царствовать во всей Руской земли» для обозначения великого киевского княжения сейчас не является неожиданностью. После обнаружения С. А. Высоцким граффити с сообщением о смерти Ярослава Мудрого Б. А. Рыбаков в связи с расшифровкой этой надписи собрал сведения об употреблении титула «царь» применительно к древнерусским князьям и пришел к выводу, что царский титул в XII в. на Руси был привилегией великого князя киевского.²¹

Впервые этот титул, равный по значению титулам «каган» и «император», был принят, очевидно, как предполагал М. Д. Приселков, в 1037 г.,²² когда на Руси было восстановлено единовластие киевского князя Ярослава Владимировича, и остался титулом князей, сидевших на

¹⁹ Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II. М., 1896, стр. 153—154; М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска, стр. 21—22, 29—30, 126.

²⁰ Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники. — Советская археология, 1967, № 3, стр. 287—302.

²¹ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, стр. 16. Правда, нужно отметить, что термин «царь» (или «цесарь», если этим словом расшифровывалось написание с выносной буквой с) в литературном повествовании применялся (но не как титул) и к другим князьям, подчеркивая их высокие достоинства. Так, в Похвале смоленскому князю Давиду, сыну Ростислава, никогда не княжившему в Киеве, перечисляются его достоинства, в том числе любовь к дружине и наказание злодеев («а злыя кажня, якоже подобает царемь творити») — Лавр., стлб. 703, под 1197 г.).

²² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 81.